

не принадлежат ни конкретному человеку, ни конкретной стране. Они принадлежат человечеству, поскольку в них слились многовековые боль и страдание, несправедливость и непонимание, излишние репрессии и бесчеловечность пенитенциарных учреждений всех стран и всех континентов. И поскольку мы, современники, живем между прошлым и будущим, то на нас лежит ответственность перед предками и потомками за собственный вклад в воплощение в жизнь, в практику каждого дня всеобщих идей прав человека.

Хочу подчеркнуть, что я не идеализирую опыт прошлых времен. Всем известно, что в тот период, к которому относится зарождение международного сотрудничества, и долго после него несовершеннолетние все еще оставались в тюрьмах вместе со взрослыми, что труд детей был непосильным для них, что телесные наказания еще долго применялись, что служащие исправительных заведений злоупотребляли своим положением и часто своим поведением развращали воспитанников. Но здесь не ставилась цели в очередной раз заклеить «проклятое прошлое и его карательную систему» и присоединиться к многоголосому хору обвинителей. Памятуя о том, что никакой период жизни не может быть только отрицательным или только положительным, ставилась задача показать истоки гуманистических идей, их устойчивость и развитие. И то, что они, несмотря ни на какие сложности, трудности применения, не утрачиваются, а лишь кристаллизуются, приобретают от эпохи к эпохе новое содержание, свидетельствует об их закономерности и неизбежности. А значит, этим идеям противиться бессмысленно, и усилия всех и каждого, имеющего отношение к осужденным, должны направляться на осознание, понимание и усвоение сути того, что выработано многолетними коллективными усилиями.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Фойницкий И. Я. Пенитенциарный конгресс в Риме // Вестник Европы. 1886. № 3.

² См.: Люблинский П. И. Международные пенитенциарные конгрессы. Международные съезды уголовного права за 10 лет. Пг., 1915.

³ В XIX в. криминалистами назывались все, кто занимался вопросами преступления и наказания.

⁴ См., напр.: Люблинский П. И. Брюссельский международный конгресс криминалистов // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 9.

⁵ См.: Международный Союз криминалистов, Русская группа. СПб., 1902.

⁶ См.: Международные конгрессы патроната // Тюремный вестник. 1905. № 10.

⁷ См.: Герцензон А. К организации Международного союза криминалистов // Административный вестник. 1925. № 11; Утевский Б. IX Международный тюремный конгресс // Право и жизнь. 1926. № 2–3.

⁸ См.: Бородин С. В., Ляхов С. Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. М., 1983.

⁹ См.: Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступлений и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 1992.

¹⁰ См.: Сборник международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. М., 1998.

¹¹ См.: Сборник СССР и международное сотрудничество в области прав человека. М., 1989. С. 461–462, 478–479, 575–578.

¹² См.: Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступлений и уголовного правосудия. С. 102–119.

¹³ См.: Там же. С. 120–124.

¹⁴ См.: Там же. С. 158–160.

¹⁵ См.: Там же. С. 163–170.

¹⁶ См.: Сборник международных стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних. С. 51–87.

¹⁷ См.: Там же. С. 86–102.

¹⁸ См.: Там же. С. 103–128.

¹⁹ См.: Международная защита прав и свобод человека. М., 1990.

²⁰ См.: СССР и международное сотрудничество в области прав человека. М., 1989. С. 461–462.

²¹ См.: Там же. С. 478–479.

²² Цит. по: Зильберштейн И. Человек поистине замечательный... // Литературная газета. 1974. № 6.

²³ См.: Коменский Я. А. Избр. пед. соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 155–156, 422–423.

²⁴ Комментарий к ст. 7.

²⁵ См.: Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступлений и уголовного правосудия. М., 1992.

²⁶ См.: Сборник стандартов ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. М., 1992. С. 317–318.

О применении смертной казни

Е. П. ИЩЕНКО — заведующий кафедрой криминалистики Московской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Вопрос о взаимоотношениях власти и человека, государства и личности, публичного и частного издавна занимает одно из центральных мест в различных доктринах и учениях. Очень актуально он звучит применительно к такой лимитирующей права и свободы гражданина мере государственного принуждения, как уголовное наказание, особенно к его наиболее строгой разновидности — смертной казни, выделяющейся своими исключительными последствиями для человека, преступившего все мыслимые и немыслимые пределы жестокости. Еще в 1875 г. А. Ф. Кистяковский в «Элементарном учебнике...» писал, что «ни один вопрос уголовного права не пользуется такой известностью и таким свойством привлекать к себе дух исследования, как смертная казнь»¹.

Иным способом, нежели через уголовное судопроизводство, уголовное наказание наложено быть не может. Поэтому, когда расчет на нравственные и психические качества преступника оказывается бесплодным, суд должен иметь возможность назначить наказание, лишаящее подсудимого физической возможности совершить новое преступление, ибо в противном случае тот продолжит свою криминальную деятельность.

В настоящее время отечественное уголовное законодательство, впитавшее в себя либеральные идеи этико-утилитарных теорий, предусматривает такие общие цели наказания, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ).

Думается, что исправление осужденного лица заключается в применении к нему мер принуждения в такой степени, чтобы оно утратило общественную опасность, осознало неправильность и нецелесообразность преступного поведения, убедилось в необходимости поведения правомерного, социально одобряемого. Это и будет свидетельствовать о достижении целей наказания на личностном уровне. Исправление осужденного реализуется не только посредством назначения наказания, адекватного совершенному преступлению и личности виновного, но и процессом исполнения наказания.

Если исправление осужденного возможно путем применения к нему более мягкого наказания, чем назначенное, или отменой его прежде истечения установленного срока, то суд вправе изменить качественные или количественные характеристики принудительных мер воздействия, например заменить уголовное наказание другим — более мягким, освободить виновного от отбывания наказания условно-досрочно и т. д. Инициатива в этом случае должна исходить от должностных лиц, имеющих возможность наблюдать осужденного если не ежедневно, то, по крайней мере, систематически. В частности, постановку вопроса об изменении количественных и качественных параметров наказания, отбываемого в местах лишения свободы, логично предоставить администрации учреждений ФСИН России.

Думается, что общая превенция наказания означает формирование в сознании граждан России образа должного поведения, убежденности в недопустимости совершения преступлений. Она призвана не только укоренить в общественном сознании модель должного правопослушного поведения, но и перспективой наказания удержать граждан от совершения уголовно наказуемых деяний. Одно только устрашение, не имеющее мощных союзников во влиянии на нравственность и психику неопределенного круга людей, предназначается для тех из них, у кого образ должного поведения и убежденность в недопустимости совершения преступлений еще не сформировались. Тогда наказание, чтобы действовать в общепредупредительном плане, должно быть действительно устрашающим. Самым устрашающим из наказаний является смертная казнь, ибо она отнимает у человека его основу — жизнь.

Частная превенция наказания предполагает применение к лицу, совершившему преступление, принудительного воздействия с тем, чтобы оно не смогло совершить новое преступление.

В ст. 20 Конституции Российской Федерации записано: «Каждый имеет право на жизнь. Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законодательством в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей».

Необходимо подчеркнуть, что правомерность применения высшей меры наказания даже за особо тяжкие преступления давно стала одной из самых животрепещущих тем, обсуждаемых общественностью. Потрясающие по своей жестокости преступления вызывают бурный социальный резонанс, граждане

ждут от государства адекватного ответа на очередной вызов, брошенный правопорядку.

Дебаты по поводу сохранения в уголовном законе данного вида наказания продолжаются уже очень давно и прекратятся, по всей вероятности, не скоро. Проблему смертной казни можно назвать вечной. Ее острота возросла после того, как с февраля 1999 г. в России был введен мораторий на применение высшей меры наказания. Его действие порождает множество вопросов и вызывает неоднозначную оценку думающих представителей формирующегося в стране гражданского общества. Отменяя применение смертной казни, государство тем самым сохраняет жизнь опасному преступнику. Но при таком подходе оно как бы становится союзником преступника, поскольку не обеспечивает остальным гражданам страны безопасность, не гарантирует им право на жизнь. Число таких преступников год от года увеличивается.

Имея в виду вышеизложенное, рассмотрим доводы, позволяющие более объективно взглянуть на такие, казалось бы, традиционно незыблемые аргументы противников смертной казни, как противоречие данного вида наказания идеям прогресса и цивилизованности, христианскому вероучению, а также низкая превентивная роль исключительной меры наказания.

Жаркая полемика вокруг необходимости сохранения в уголовном законе исключительной меры наказания прекратится не скоро. Создается впечатление, что дебаты непримиримых оппонентов — сторонников и противников смертной казни — если ненадолго и затихают, то лишь для того, чтобы на следующем историческом витке разгореться с новой силой.

Действительно, что в плане вечности представляет из себя отдельно взятая человеческая жизнь — некую условность, мираж, «эпизодическое преддверие к потустороннему»? Смерти же, напротив, принадлежит главенствующая роль в организации мироздания. Человек приговаривается к ней уже в момент своего рождения: что бы он ни делал, на какие бы ухищрения ни шел, он постоянно движется в изначально заданном направлении, с каждым мгновением все ближе подступая к роковой черте, отделяющей бытие от небытия.

Все, к чему люди прикасаются, пронизано флюидами смерти. Вся окружающая нас действительность несет на себе печать предстоящего финала, неумолимо надвигающегося завершения земного существования. Все вокруг проникнуто идеей конечности всего и вся. Горы — и те превращаются в песок, моря высыхают... Как остроумно заметили философы-нео-конформисты, смерть — архитектор жизни. А посему стоит ли вообще спорить о смертной казни, не все ли равно, когда и каким образом лишится жизни тот или иной индивид? На планете Земля нас более 6 млрд...

Человек, четко осознавая факт временной ограниченности своего пребывания на этом свете, тем не менее живет и действует так, как если бы он был бессмертным. И в то же самое время он испытывает панический страх перед смертью. В отличие от животного человеку обычно кажется, что его земная жизнь наполнена смыслом. Может быть, это и так. Только вот каким?

В представлении любого индивида смертная казнь принципиально отличается от естественной смерти и, как правило, подвергает в ужас. И это при том, что естественная смерть почти всегда бывает мучительной, тогда как давно практикуются физически безболезненные способы смертной казни. Отсюда вывод, что, пока человек остается тем, что он из себя теперь представляет, споры о смертной казни будут чрезвычайно актуальны и важны как для специалистов, так и для простых обывателей.

В процессе многовековой полемики аргументы сторонников (консерваторов) и противников смертной казни (аболиционистов) в общих чертах остаются прежними. На этот факт обращают внимание многие авторы, не без основания констатируя, что практически все приводимые по данному вопросу «за» и «против» когда-то уже высказывались². Со временем аргументы сторон лишь модифицируются, становясь логически все более изощренными и отточенными, однако по своей природе остаются теми же. С чем же все-таки связана такая изначальная ограниченность полемических доводов, почему столь беден содержанием интеллектуальный маневр, предпринимаемый в границах феномена смертной казни?

Причина, как представляется, состоит в следующем: уже стого самого момента, когда правомерность смертной казни как наказания была впервые поставлена под сомнение, спор развивался (и развивается) совсем не в том русле. Иными словами, критика сути проблемы низведена сторонами до частных, отдельных ее сторон, да и то лишь в том ракурсе, который представляет интерес для аболиционистов. Объявив смертную казнь исключительно юридическим институтом и оспаривая целесообразность ее применения только в этом качестве, аболиционисты оставили за рамками дискуссии серьезное обсуждение вопросов социально-политического, религиозного, морально-го, историко-культурного плана.

Итогом же стало отстаивание такого тезиса: смертная казнь — это всего лишь вид наказания, а последнее ни в коей мере не может быть чем-то более значительным, нежели просто комплекс правовых ограничений, применяемых к преступникам. Далее с помощью более мелких тезисов доказывалось, что смертная казнь как вид наказания чересчур избыточна по своему репрессивному воздействию, негуманна, архаична, неэффективна, а значит, и вообще не нужна.

Аболиционисты постарались низвести обсуждение феномена на заведомо не соответствующий его масштабу уровень, а затем и вовсе «развенчать» и, надо сказать, преуспели в этом. Итогом явилась масштабная дискредитация самой идеи применения смертной казни³. В результате сложилась та парадоксальная ситуация, которую мы имеем сегодня. Вместо того чтобы прояснить вопрос, дискуссия запутывает его еще больше, двигаясь по замкнутому кругу не первое столетие.

Либерально ориентированные авторы, к которым относятся противники смертной казни, получили в последнее десятилетие XX в. контроль над рядом ключевых позиций в научной, публицистической, культурной и многих других сферах жизни нашего общества. Обладая, таким образом, монопольным правом подачи, интерпретации, тиражирования ин-

формации, касающейся смертной казни, и соответственно неограниченной инициативой в производстве и распространении таких сведений, аболиционисты получили подавляющее, тотальное преимущество над консерваторами, чем без зазрения совести пользуются.

Административными по своей сути методами они искореняют точки зрения, обосновывающие необходимость сохранения в уголовном законе высшей меры наказания, спешно и интенсивно заполняя образовавшийся при этом вакуум своими идеями. Так, на страницах новейшей учебной литературы все чаще встречается оценка смертной казни как «варварства», «дикости», «рудимента темных веков», «узаконенного убийства» и т. п. Мнения же признанных ученых, ратующих за ее сохранение и применение, серьезно не разбираются⁴.

Сопоставляя в одной из своих работ доводы *pro et contra*, С. В. Бородин, например, приводит такой перечень аргументов: «Зависимость между ростом преступности и отменой смертной казни не установлена; отмена смертной казни позволит избежать лишения жизни невиновных; никто не вправе распоряжаться чужой жизнью; смертная казнь противоречит христианским и нравственным нормам; пожизненное заключение обрекает преступника на муки больше, чем казнь единожды; расходы на пожизненное заключение осужденных перекрываются их каторжным трудом; живой преступник — живой укор, его не будет — о преступлении забудут»⁵.

Ничего принципиально нового в этом перечне нет, все аргументы, повторяюсь, уже давно известны, однако обращает на себя внимание манера подачи материала, расстановка акцентов, «мягкое» навязывание единственно верной (на взгляд автора) точки зрения. Тезисы *contra* сформулированы таким образом, что всякий аболиционист предстает перед читателем как просвещенный и здравомыслящий интеллектуал-прагматик. Совершенно иной имидж уготован консерватору. Перед глазами читателя непременно должен возникнуть архаически жестокий, малограмотный и люмпенизированный субъект, ибо именно так его и характеризуют приведенные автором доводы, предельно упрощенные и огрубленные. Судите сами.

Вместо тезиса об уникальности России как веками складывающейся культурно-исторической общности, имеющей специфический уклад, и недопустимости поэтому слепого копирования Запада в вопросах уголовной политики звучит развязное «Совет Европы нам не указ»; о парадоксальности положения, когда родственники жертвы как налогоплательщики фактически содержат пожизненно приговоренного убийцу, — циничное «стрелять дешевле, чем содержать преступника»; о слабости воспитательной роли и бесперспективности уголовного наказания в виде лишения свободы для отдельных категорий граждан — «горбатого могила исправит»⁶.

С учетом сказанного выше крайне важными представляются альтернативные доводы, обосновывающие необходимость применения смертной казни. Для этого нужно взглянуть на исследуемое явление гораздо шире, обратившись, в частности, к культурно-историческим истокам появления уголовного наказания.

Напомню, что меры социального принуждения без какого-либо изъятия или исключения уже давно монополизированы государственной властью, органы которой карали преступников за содеянное ущемлением либо отнятием любого из возможных человеческих благ — имущества, чести, свободы, здоровья и, наконец, жизни. Иными словами, в вопросах наказания возможности государственно-принудительного воздействия на виновного ничем не ограничивались. На этом постулате издавна базировалась уголовно-правовая политика, и он никем не оспаривался на протяжении многих веков.

Легитимность данного принципа была впервые поставлена под сомнение только в XVI–XVII вв., когда, по мнению некоторых мыслителей, наметился разрыв с прежней парадигмой миропонимания — как в сфере науки и искусства (Возрождение), так и в сфере религии (Реформация)⁷.

«Смертная казнь есть дикость, варварство, анахронизм; она противоречит идеям прогресса и цивилизованности», — утверждают аболиционисты. Но так ли это? В настоящее время слово «прогресс» воспринимается людьми как нечто настолько привычное, само собой разумеющееся, что попытка посмотреть на него под иным углом зрения расценивается как некая странность.

Идея прогресса, весьма распространенная в современном мире, не имеет, подчеркнем это, аналогов ни в одной духовной традиции. Более того, она им всем резко противоречит, ибо представляет собой нечто совершенно противоположное самой сути последних, а именно «обратный аналог однонаправленному времени теории деградации». Напомним, что буддизм, индуизм, ислам, иудаизм и христианство единодушно расценивают современность как предапокалиптические «последние времена». Поэтому объявить «пик регресса» современного мира его «эволюцией» со ссылкой на эти религии может только персонаж, символически называемый сатаной⁸.

Впрочем, идею движения человечества по пути прогресса можно опровергнуть и вполне светскими доводами. Технократы рисуют будущее исключительно в технических терминах, сводя развитие цивилизации к совершенствованию технологий, информационных систем и научных методик. Нетрудно заметить, что при таком логическом подходе одно явление подменяется другим: усовершенствование технических средств выдается за позитивное развитие человека и общества в целом. Прогресс технический отождествляется с прогрессом во всех сферах жизни индивида, в первую очередь — в моральной.

Однако так ли все обстоит в действительности? Есть ли основания утверждать, что с началом научно-технической революции люди твердо встали на путь духовного совершенствования, постепенно избавляясь от диких привычек и нравов, доставшихся им в наследство от «эпохи темных веков»?

О каком прогрессе в моральной сфере можно говорить, когда все пороки Содомы и Гоморры: алчность и лицемерие, ложь и вероломство, похоть и чревоугодие, насилие и убийство, жестокость и агрессивность, отсутствие жалости и милосердия — представлены в современном «высокотехнологичном» потребитель-

ском обществе самым широким спектром? Нет и еще раз нет.

Но суть даже не в этом. Главное, что современная цивилизация активно продуцирует и насаждает многие пороки, проповедуя ничем не оправданную терпимость к целому ряду социально-негативных явлений: наркомании, алкоголизму, сексуальным извращениям, тоталитарным сектам, преступному образу жизни... Видимо, неслучайно многие исследователи сравнивают современное «глобальное общество» (и его флагман — США) с гигантским «виртуальным Колизеем» поздней Римской империи, в котором с помощью СМИ отправляется культ зрелищ, потакающих самым темным, самым низменным сторонам человеческой природы⁹. А в результате почти 2 млн американцев находятся в тюрьмах, 4,5 млн отпущены на поруки или под залог. Напомним, что в 1980 г. количество узников в США составляло полмиллиона человек и с тех пор, как видим, многократно возросло. Сегодня в США 6 млн наркоманов¹⁰.

При этом «публика Колизея», население страны, искренне симпатизирует подчас откровенно провокационному и аморальному творчеству «модных» деятелей масс-культуры, рукоплещет спортсменам — «машинам для убийств», буквально грызущим своих соперников на ринге, приходит в восторг во время трансляции в режиме реального времени бомбардировок объектов жизнеобеспечения и жилых домов на Балканах или в Ираке. И творится это не только на Западе.

Депутат Госдумы РФ Н. Павлов предложил «сделать профессиональный мониторинг и анализ телепрограмм, идущих в прайм-тайм на всех основных федеральных каналах». Он озабочен тем, что «с помощью телевидения идут сознательная быдлизация и оскотинивание нашего населения». Депутат провел скромный анализ и увидел, «что так называемые премьеры... ничего, кроме убийств, насилия и разврата, не несут!» Это его мнение было опубликовано в начале ноября 2007 г. в «Парламентской газете».

И он не одинок в своей обеспокоенности, ибо на государственном уровне идет проповедь «золотого тельца». Нравственность не поддерживается ни на йоту. Сравните эфирное время, занимаемое разными сериалами, рекламой, ток-шоу и прочими передачами, проводящими одну мысль «бери от жизни все», с эфирным временем, посвященным формированию нравственности, и вы увидите насмешку над здравым смыслом. Сегодня всякого рода проституция, блуд духа возводятся в ранг достоинства. Этой пропаганде дают лучшее время эфира!..

СМИ стали оружием массового поражения. «Телевизор точно так же расстреливает сознание простого человека, как вчера пушки расстреливали города... Оба варианта бомбардировки ведут к разрушению и хаосу. В одном случае дымились руины городов, в другом дымятся руины сознания. Верхом цинизма является то, что оболванивание народа происходит за счет... народа, который оплачивает свою дебилизацию. С каждой новой порцией отравы он глупеет все больше, понимает все меньше и покупает оглуляющую продукцию все чаще. Технология достаточно проста. Посредством сюжета, спецэффектов, игры актеров и прочего основную мысль упаковывают в привлекательный «фантик». Упаковка призвана соб-

лазнить человека. Основная мысль вшита между строк, вплетена в поведение героя, в сюжет, в общую атмосферу произведения. Зрители никогда не догадываются, что их не развлекают, им дают модель поведения, преподносят образцы для подражания, формируют взгляд на мир»¹¹. И что-нибудь в этом смысле изменилось? Ничего!

А вот несколько шокирующих фактов из зарубежной действительности. Бельгийский университет провел исследование, в ходе которого выяснилось, что из каждых десяти смертей одна происходит по вине врачей — или в результате смертельного укола (без согласия пациента), или в результате ненадлежащего лечения. Был пациент — были проблемы...

28 ноября 2000 г. нижняя палата парламента Нидерландов 104 голосами против 40 приняла закон, легализующий помощь самоубийцам и добровольную эвтаназию, первой среди европейских стран после гитлеровской Германии узаконила прямое убийство больных врачами. Парламент пошел на поводу у голландских эскулапов, которые на протяжении десятилетий практиковали подпольную эвтаназию. По новому закону дети в возрасте от 12 до 15 лет должны получить согласие родителей на совершение самоубийства или обратиться за помощью в умерщвлении себя к врачу. После 16 лет родительского согласия уже не требуется. Зачем же подавлять у подростков свободную волю к смерти? Это, по мнению голландских законодателей, недемократично и негуманно. Вот жизнь педофила надо поберечь, а жизнь подростка...

Потому и приходится констатировать, что все известные ранее и вновь приобретенные негативные черты в моральной сфере в наши дни не просто наличествуют, а бурно прогрессируют. Таким образом, при столь явном падении нравов, их очевидной деградации говорить всерьез о моральном прогрессе, эволюции духовно-нравственных качеств современного человека по сравнению с прежними веками — значит безбожно лукавить. А ведь именно на тезис о моральном прогрессе опираются «просвещенные» аболиционисты, толкуя о цивилизованности, сменившей «вопиющее варварство».

Резюмируем сказанное: бесспорный факт «технократического рывка» сам по себе еще не служит достаточным основанием для отмены смертной казни, рассуждения же о духовно-нравственном прогрессе являются не более чем демагогией, ибо человечество постепенно становится только хуже. Следовательно, тезис о том, что смертная казнь противоречит идеалам прогресса и цивилизованности, является совершенно бездоказательным.

«Смертная казнь есть варварство, жестокость, зверство, легализованная пытка, мучительство; посредством исполнения смертного приговора государство ставит себя на одну доску с преступником; смертная казнь есть месть, а месть — примитивное, низменное чувство»¹², — настаивают аболиционисты.

Ретроспективный анализ, однако, показывает, что появление в уголовном законодательстве смертной казни стало подтверждением проверенного веками принципа, согласно которому суверенная власть не ограничена в средствах воздействия на злостных нарушителей общественных устоев.

Нельзя признать убедительным и тезис, что смертная казнь — это акция, посредством которой государство низводит себя до уровня преступника, «ставит себя на одну доску» с ним. Ни о каком уравнивании акта государственного реагирования при исполнении смертного приговора с преступным посягательством на жизнь не может быть и речи.

Нельзя не отметить, что всякое социально опасное деяние помимо причинения вреда объектам своего непосредственного воздействия посягает в определенной мере также на интересы публичной власти, выражающиеся в нерушимости установленных ею правил регулирования общественной жизни. Поэтому преступник, подрывая своими противоправными действиями социальные устои, бросает вызов также верховной власти. Следовательно, вмешательство последней не может быть низведено до уровня третейского судьи, разрешающего спор виновного с потерпевшим. Оно должно содержать прямой ответ индивиду, грубо оскорбившему власть. Потому в наказании всегда должна присутствовать «доля государства», являющаяся важнейшим элементом «уголовно-правовой ликвидации преступности».

Иначе чем объяснить тот факт, что вся процедура судебного разбирательства вообще и назначения наказания в частности призвана внушить гражданам, что сколь бы тяжким и опасным для общества не было совершенное деяние, преступник слишком слаб и ничтожен по сравнению с государством, защищающим безопасность своих законопослушных граждан.

Для того чтобы придать факту казни особо опасного преступника широкую огласку, вовсе не обязательно исполнять приговор на центральной площади. Недавний тому пример — казнь Т. Маквея, взорвавшего в 1994 г. здание торгового центра в Оклахома-сити. Сам процесс казни наблюдали лишь родственники жертв трагедии, однако благодаря стараниям СМИ вся Америка знала о приговоре и практически поголовно его поддерживала.

Итак, ни о каком равенстве, низведении государством себя до уровня преступника в момент исполнения смертного приговора не может быть и речи. Скорее, все обстоит с точностью до наоборот: виновный, причиняя кому-либо смерть, пытается сравняться с публичной властью, присваивая себе ее монопольное право на применение насилия, за что впоследствии и несет самую суровую ответственность.

Признак возмездия в наказании имеется, ибо оно назначается за преступление и соответствует тяжести последнего. «Наказание, — отмечал Н. А. Стручков, — кара за преступление. В силу этого оно несет в себе свойство оплаты, возмездия за совершенное зло. И вряд ли можно уходить от такой оценки наказания. Она соответствует элементарным представлениям морали»¹³. Суть наказания — предупреждение новых преступных посягательств при помощи фактора устрашения.

Столкнувшись с чудовищным по своей жестокости преступлением, человек хочет воздать злодею за содеянное, ответить на насилие еще большим или хотя бы таким же насилием. Это главный довод сторонников применения смертной казни — она есть единственное равноценное воздаяние за особо тяжкие преступления.

Пределы наказания должны определяться пределами преступления, иначе говоря, наказание по своей тяжести должно соответствовать тяжести совершенного преступления. Древнегреческий философ Платон целью наказания считал не нравственное исправление преступника, а его физическое уничтожение, необходимое для общественного благополучия и пресечения дурного примера, способного совратить кого-либо в будущем. И. Кант и Г. Гегель, будучи ревностными сторонниками смертной казни, утверждали, что для некоторых наиболее тяжких преступлений невозможно найти другой эквивалент.

С ними солидаризируются представители антропологической школы (Ч. Ломброзо, Э. Ферри и др.), требующие для прирожденных преступников единственно эффективной меры полного их устранения — казни. Такая мера не только реализует идею возмездия за содеянное, но и обеспечивает общественную безопасность, спокойствие и порядок. Сторонник смертной казни поэт В. Жуковский полагал, что казнь — «не что иное, как представитель строгой правды, преследующей зло и спасающей от него порядок общественный...». Даже не будучи сторонником смертной казни, И. Я. Фойницкий в 1889 г. писал: «Смертная казнь есть... самая решительная мера, какою обладает государство для достижения безопасности: раз уничтожен преступник, он уже абсолютно лишен возможности вредить обществу»¹⁴.

Как уже отмечалось, все разглагольствования о моральном прогрессе не имеют под собой серьезных оснований. Человек «цивилизированный» по своей сути мало чем отличается от примитивнейшего дикаря. Разница лишь в том, что он не испытывает «культурного шока» при виде технических достижений цивилизации, но оценивает их при помощи того же «багажа» чувств, что и прапредок, опосредует их практически теми же первичными, «животными» потребностями.

Поэтому более чем наивными выглядят надежды на то, что объявление возмездия «древним и подлым пережитком», «языческой мезтью» и отмена смертной казни позволят хоть немного изменить природу человека, ликвидировать саму потребность в удовлетворении чувств, поправных особо тяжким преступлением. Потребность эта все равно останется, она лишь будет искать иные, нелегитимные пути и способы своего удовлетворения.

Односторонний политико-юридический отказ от исполнения смертной казни, являющийся по своей сути декларативным, приводит к активизации нелегальных форм расправы, имеющих внесудебный характер. Самодеятельная смертная казнь будет осуществляться уже не «сверху», а «снизу». При этом роль «теневой юстиции», отправляющей «правосудие», вполне могут взять на себя родственники жертв (вспомните фильм «Ворошиловский стрелок», а также В. Колоева!), сочувствующие сотрудники правоохранительных органов и, что наиболее опасно, организованная преступность¹⁵.

«Только Всевышний вправе забрать жизнь, ибо именно Он ее человеку дает; этого не вправе делать государство, значит, смертная казнь глубоко безнравственна», — упрямо твердят аболиционисты.

Из всего вороха приводимых ими соображений данный аргумент действует, пожалуй, наиболее без-

отказно. Он апеллирует к высоким материям, обосновывая неприемлемость смертной казни нравственными соображениями, указывает на несоместимость высшей меры наказания с этической стороной религиозных учений и традиций, прежде всего христианства. Ссылаясь на многочисленные примеры милосердия, сострадания, прощения и любви к ближнему, приведенные в Новом Завете, аболиционисты ставят сторонников смертной казни в весьма затруднительное положение. Последним остается либо расписаться в собственной приверженности к «кровожадным» и «языческим» формам уголовно-правового воздействия и тем самым прямо противопоставить себя духовным ценностям, либо уклониться от анализа данного контрдовода, замалчивая его¹⁶.

Так неужели смертная казнь безнравственна с точки зрения христианской традиции и полностью ей противоречит? Неужели государство как организация публичной власти ни при каких условиях не вправе забрать жизнь, дарованную человеку Богом? Отнюдь.

Между христианским вероучением и государственно-властной деятельностью по назначению и исполнению высшей меры наказания не существует того непреодолимого противоречия, на которое упирают аболиционисты. Во-первых, тезис «только Всевышний дает жизнь, следовательно, никто, кроме него, не вправе ее забрать» абсолютно некорректен. Натянутость этого довода столь очевидна, что первый же «наивный» вопрос подрывает его кажущуюся убедительность. Ну, а как быть с преступником, который эту жизнь у ближнего забирает? Признать его статус равным божественному, поскольку, причиняя смерть, он «отваживается» на то, что вправе сделать только Господь? Иными словами, уравнивать душегуба с тем, кто эту душу в тело вдыхает? По логике аболиционистов получается именно так.

Логика эта грешит богохульством, однако для противников смертной казни, чьи духовные отцы позволяли себе в адрес РПЦ фразы типа «раздавить гадину», она, похоже, вполне приемлема. Возникает, впрочем, и второй вопрос. Каким образом в рамках приведенного аргумента можно юридически и морально обосновать причинение смерти в результате необходимой обороны? Если только Создатель вправе забрать жизнь, то и данное деяние глубоко безнравственно, с чем ну никак нельзя согласиться. И почему то, что позволяет себе преступник, идя на поводу у своих низменных страстей, непозволительно государству, защищающему общество от тех, кто грубо попирает условия его существования?

Таким образом, жизнь индивиду дает Всевышний, а вот лишить его этого блага в современном мире может кто угодно. Так почему же не признавать такую возможность за легитимным актом государственной деятельности? Все упреки в неправомерности исполнения смертных приговоров, адресованные аболиционистами публичной власти, поскольку она не имеет ничего общего с Господом Богом, лишены разумных оснований.

В нашем безблагодатном мире, где воцарилась «цивилизация антихриста», кто угодно и сколь угодно жестоким способом может посягнуть на человеческую жизнь. Вспомните террористические акты последних лет с их многочисленными жертвами! Так

как же можно в подобных условиях ратовать за ограниченность государства в принудительных средствах воздействия на организованную преступность? Исходя из соображений невозможности бороться со злом с помощью другого зла (государственного принуждения в его максимально жесткой форме)? Государственное принуждение во всех его разновидностях абсолютно неизбежно там, где добро вынуждено бороться со злом. Отрекаясь в таком мире от принуждения, добро становится немощным и тем самым предвещает торжество зла. «Нельзя выплыть из зла в этом мире, не приняв на себя его следов, хотя бы в области применяемых... средств борьбы. Отсюда и физическая неизбежность борьбы со злом путем насилия»¹⁷.

«Смертная казнь как вид уголовного наказания имеет крайне низкое превентивное значение, поэтому она не нужна», — настаивают аболиционисты.

В отечественной криминологии общепризнано положение, согласно которому уровень преступности определяется не силой репрессии, не строгостью наказания, а глубинными факторами социального, экономического, нравственного характера. На этот аргумент чаще всего и ссылаются противники смертной казни, подчеркивая, что преступность — это болезнь общества, для излечения которой «шоковая терапия» в виде смертной казни и многих других мер уголовного наказания оказывается безрезультатной¹⁸.

Существует определенная категория людей, которых наличие в уголовном законе смертной казни удерживает от совершения убийств. Кстати сказать, это обстоятельство признают и такие известные криминологи-аболиционисты, как Ю. М. Антонян и С. В. Бородин¹⁹. Поэтому отнюдь не случайно, что в 1998 г., когда приговоры к высшей мере наказания еще выносились и исполнялись, прирост убийств составил всего 0,9 %, а в 1999 г., когда данное наказание было заблокировано, возрос почти в 5 раз и достиг 4,4 %²⁰. Факты — упрямая вещь.

Страх подвергнуться смертной казни побуждает человека воздерживаться от совершения преступления именно потому, что это наказание лишает его самого дорого блага. Вычеркнуть смертную казнь из перечня наказаний — значит лишить правоохранительные органы наиболее действенного средства. И. И. Карпец правильно подчеркивал, что исключать из содержания наказания фактор устрашения — «значит идеалистически смотреть на сущность вещей. Если преступника не будет устрашать наказание, зачем тогда оно нужно? Чем тогда объяснить, что мы не только пользуемся им, но и устанавливаем за различные деяния разные по тяжести наказания? Это и есть своеобразная дозировка устрашения»²¹.

Кроме того, все доводы аболиционистов о низкой эффективности смертной казни в плане сдерживания преступности имеют один общий недостаток. Действительно, обладая относительно невысоким устрашающим (сдерживающим) потенциалом, высшая мера наказания не способствует уменьшению числа преступлений. Да, преступность не остановить только жесткими мерами, ибо ее причины кроются в глубинных социальных противоречиях. Все верно. Вот только не совсем понятно, причем здесь смертная казнь или, точнее говоря, только смертная казнь? Разве удержит корыстно-насильственного преступ-

ника конфискация имущества, а коррумпированного чиновника — лишение свободы? Ответ очевиден: нет, не удержит. Если ответить на этот вопрос положительно, то как же тогда объяснить значительный рост преступлений против собственности и тотальную коррумпированность государственных органов?

Следовательно, тезис о низком общепреventивном воздействии наказания подменяется другим — о низком общепредупредительном воздействии одного из наказаний²². А ведь еще в конце XIX в. Н. Д. Сергеевский писал, что следует «неуклонно исходить из того положения, что смертная казнь... есть одна из карательных мер уголовного правосудия и подлежит поэтому одинаковой с ними оценке по одним общим правилам», и констатировал, что «только смертная казнь может прекратить преступную мысль»²³. Если согласиться с предложенным аболиционистами подходом, то придется вообще отказаться от института уголовного наказания, ибо с помощью одних наказаний преступность ни снизить, ни преодолеть невозможно! Однако подобная логика выглядит по меньшей мере абсурдной.

Наказание было и есть не главное, а вспомогательное средство борьбы с преступностью, поэтому криминогенную обстановку в обществе нельзя напрямую связывать с наличием в уголовном законе тех или иных мер государственного принуждения²⁴. Наказание, в том числе смертная казнь, выполняет свою роль в деле борьбы с преступностью (в ряду экономических, социокультурных, воспитательных и правовых мер) настолько, насколько может, и большего от нее требовать нельзя. В том-то и дело, что смертная казнь только посильно участвует в обуздании преступности наряду с другими наказаниями, а также экономическими, социальными, политическими и духовными факторами²⁵.

Очень часто тезис о низкой превентивной роли смертной казни ее противники подкрепляют таким вспомогательным аргументом, как возможность осуждения человека вследствие ошибки, что предопределяет необходимость ее замены другим видом наказания, в частности пожизненным лишением свободы. Оно, по их мнению, исключает необратимые последствия, когда уже ничего нельзя исправить.

Да, цена ошибки при исполнении смертного приговора весьма высока, но только если будет казнен совершенно невиновный человек. Однако правомерен вопрос: разве ниже эта цена в других, не связанных с наказанием сферах социальной жизни? Разве не ошибаются врач, водитель, проектировщик высотного здания? Так что же, отказаться от врачебной деятельности, использования автотранспорта, высотного домостроения? В любом деле могут быть ошибки, и непонятно, почему только в вопросе применения смертной казни возможность их появления должна категорически отсутствовать.

Кроме того, судебные ошибки, связанные с применением смертной казни, крайне редкое явление. Исследовавший данный вопрос А. С. Михлин приводит всего два таких случая. Первый, когда вместо серийного убийцы Михасевича был осужден и расстрелян совершенно невиновный человек. Во втором случае в одном из убийств, совершенных маньяком Чикатило, обвинили другого мужчину, который, правда, оказался виновным в шести убийствах, но лишь

седьмое было вменено ему неправильно²⁶. Немного расширил перечень таких приговоров Н. Н. Китаев²⁷.

Однако упрек в судебных ошибках следует направлять в адрес уголовно-процессуального, а не уголовного законодательства, ибо положения УПК, а вовсе не УК, детально регламентируют порядок досудебного и судебного разбирательства уголовных дел (впрочем, при нынешнем УПК РФ упреков этих будет еще больше).

Исследования целого ряда авторов показывают, что в абсолютном большинстве случаев необоснованное привлечение граждан к уголовной ответственности было результатом нарушения требований закона о всесторонности, объективности и полноте исследования всех обстоятельств уголовного дела. Неполнота расследования усугублялась обвинительным уклоном следователей, в результате чего важные обстоятельства проверялись в рамках только одной версии о личности преступника²⁸.

Что же касается пожизненного лишения свободы, которое наиболее часто предлагается в качестве альтернативы смертной казни, то и здесь ошибка может стоить очень дорого. Кто вернет человеку два десятилетия, проведенные в условиях строгой изоляции от общества? Может быть, ратуя за замену высшей меры наказания пожизненным лишением свободы, авторы исходят из того обстоятельства, что в этом случае у человека сохраняется самое ценное благо — жизнь. Возможно. Но давайте задумаемся, сохраняется ли в действительности у него это благо? Можно ли назвать жизнью постоянное пребывание в четырех стенах камеры, без малейшей надежды хотя бы перед смертью увидеть свободу, отягощенное массой ограничений, способных превратить человека в жвачное животное? Скорее это похоже на существование в формате биологической массы, лишенное сколь-либо значимого социального содержания. И даже если обнаружится ошибка, куда узник вернется после долгих лет, проведенных в условиях строгой изоляции? Что и кто ждет его во внешнем мире? Вопрос, увы, риторический.

Все сказанное позволяет сильно усомниться в гуманности пожизненного лишения свободы. В литературе отмечалось, что замена расстрела пожизненным заключением зачастую обрекает человека на более мучительные страдания, оставляя его один на один с жесткими требованиями особого режима и ощущением полнейшей безнадежности. А потому поставим перед противниками смертной казни вопрос: что же на самом деле гуманнее — исполнить смертный приговор в отношении человека, совершившего тяжкое преступление, или обречь его на смерть «в расщелину»?

И другая сторона медали: гуманизм исключительно к преступнику означает демонстрацию преступного равнодушия к его жертве, тем более что подобный гуманизм оказывается для осужденного еще более тяжелой мерой государственного принуждения.

Итак, высшая мера наказания за наиболее тяжкие преступления против жизни, несомненно, имеет право на исполнение. Ее применение не противоречит ни идеям технического прогресса человеческой цивилизации, ни христианским заповедям, ни нормам морали; она имеет определенное сдерживающее

значение и играет в системе мер борьбы с преступностью четко отведенную ей роль.

Практически это означает, что сегодня мораторий на применение высшей меры наказания не соответствует представлениям граждан России о справедливости. Пока люди совершенны не настолько, чтобы не совершать особо тяжких преступлений, смертная казнь необходима. Такой вывод напрашивается сам собой.

Уголовное наказание в целом и смертная казнь как его наиболее репрессивная часть есть неотъемлемый атрибут государственной власти и суверенитета. Еще П. И. Люблинский более века назад верно заметил: «Вопрос о смертной казни давно вышел за пределы уголовного права и стал вопросом государственной политики. Назначение и исполнение смертной казни есть уже не столько дело суда, сколько органов, руководящих политической жизнью страны. Суд только высказывается первым, но за ним обязательно должен раздаться голос правительства и голос верховной власти, желающей или не желающей применить право помилования»²⁹.

И если из диапазона уголовно-правового воздействия изъята самая жесткая и самая серьезная по социально-правовым последствиям для индивида мера государственного принуждения, то, стало быть, политическая организация больше не обладает «монополией на насилие» в обществе и не может считаться полностью суверенной.

Будем мы жить в суверенном государстве или нас вполне устроит прозябание в «доминионе клерков»? Именно в таком контексте (пусть достаточно пафосном) следует рассматривать проблему высшей меры наказания. Смертная казнь — это такой же атрибут суверенитета, как флаг, герб, гимн и ядерная кнопка. Не есть ли отказ от применения этого наказания первый, пусть даже символический, шаг, за которым последуют другие, более значительные? В свете «триумфального шествия» глобализма с его двойной моралью, тотальными экономическими кризисами, бомбардировками неугодных и «независимыми» трибуналами вопрос звучит более чем актуально³⁰. Как Россия ответит на него? Будем надеяться, утвердительно.

■ ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Антология мировой правовой мысли: В 5 т. М., 1999. Т. 4. Россия XI–XIX вв. С. 710.

² См.: Иванов Л. О. Не равняться с преступником // *Общественные науки и современность*. 1992. № 1. С. 65.

³ См.: Гулиев В. Е. Отмена смертной казни — преступное непротивление злу насилием // *Юридический мир*. 2002. № 1. С. 9; Петрухин И. Л. Еще раз о смертной казни // Там же. № 4. С. 9.

⁴ См.: Кизилев А. Ю. Смертная казнь: апология. М., 2002. С. 3–9.

⁵ Бородин С. В. Еще раз о смертной казни за убийство // *Государство и право*. 2001. № 4. С. 61.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991. С. 22.

⁸ См.: Конец Света (эсхатология и традиция). М., 1997. С. 6.

⁹ См.: Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Глобальная Империя Зла. М., 2001. С. 107 и др.

¹⁰ См. подр.: Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М., 2007. С. 279.

¹¹ Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. М., 2007. С. 65, 165, 204.

¹² Кизилев А. Ю. Указ. соч. С. 10–17.

¹³ Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. Саратов, 1978. С. 59–60.

¹⁴ См.: Антология мировой правовой мысли. Т. 4. С. 794.

¹⁵ См.: Малько А. В. Смертная казнь в России: проблемы правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 1. С. 155.

¹⁶ См.: Кизилов А. Ю. Указ. соч. С. 19–23.

¹⁷ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 578.

¹⁸ См.: Кизилов А. Ю. Указ. соч. С. 28–36.

¹⁹ См.: Бородин С. В. Указ. соч. С. 60.

²⁰ См.: Милуков С. Ф. Указ. соч. С. 163.

²¹ Карпец И. И. Высшая мера: за и против // Советское государство и право. 1991. № 7. См. также: Володько М. В. Морально-правовые аспекты смертной казни // Южно-уральские криминалистические чтения. Уфа, 2003. Вып. 11. С. 170–177.

²² См.: Михлин А. С. Высшая мера наказания: история, современность, будущее. М., 2000. С. 151.

²³ Сергеевский Н. Д. Лишение жизни как уголовное наказание // Избр. тр. М., 2008. С. 258, 261.

²⁴ См.: Смертная казнь: за и против / Под ред. С. Г. Келиной. М., 1989. С. 359.

²⁵ См.: Малько А. В. Указ. соч. С. 148.

²⁶ См.: Михлин А. С. Смертная казнь — быть ли ей в России // Журнал российского права. 1998. № 10. С. 142.

²⁷ См.: Китаев Н. Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок. Иркутск, 2000. С. 3–74.

²⁸ См.: Там же. С. 10.

²⁹ Смертная казнь: за и против. С. 217.

³⁰ См.: Кизилов А. Ю. Указ. соч. С. 38–46.

Некоторые вопросы современной наказательной политики России

С. У. ДИКАЕВ — профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор

На протяжении многих веков ученые задаются вопросом о способности уголовного наказания, каким бы жестким и жестоким оно ни было, решить проблему преступности. В середине XX в. наконец-то человечеству стало ясно, что наказание не является панацеей от преступности, что оно больше не выступает в качестве сдерживающего преступность фактора (возможно, что оно никогда им и не было). Рост преступности во всех странах мира — показательный пример того, что социальный механизм самоорганизации общества, позволяющий держать преступность в безопасных для общественного развития масштабах, неэффективен. Даже повышение общего благосостояния, расширение свободы и демократии, гуманизация государства, ослабление контроля над гражданами не только не уменьшают рост преступности, а напротив, способствуют ее увеличению.

Значит, вполне обоснованно можно говорить о реальности кризиса уголовного наказания, и эту реальность нужно признать и искать решение этой проблемы.

Выход из кризисного состояния наказания одни авторы видят в признании кары как цели уголовного наказания, другие предлагают установить цивилизованные взаимоотношения общества с преступностью, третьи — приспособиться и сосуществовать с преступностью как с неизбежным злом.

Но приспособление к проблеме не есть ее решение. Через некоторое время общество опять столкнется с теми же, а то и еще более сложными проблемами. Поэтому предлагаемые учеными модели неспособны вывести институт уголовного наказания из кризисного состояния. Наиболее верный путь — это поиск причины, приведшей человечество к такому состоянию. Для этого необходимо вернуться к истокам человеческой истории, проследив весь путь развития, установить, на каком этапе был сделан неправильный шаг, чем он был вызван, и попытаться восстановить утраченное.

Я склонен считать, что причиной кризиса наказания являются, с одной стороны, государственная мо-

нополия на разрешение уголовно-правовых отношений, с другой — постановка перед уголовным наказанием изначально недостижимых, а значит, и ложных целей.

О необходимости пересмотра целей уголовного наказания мною было написано в журнале «Российский криминологический взгляд» (№ 2, 2007). Сейчас я хочу остановиться на проблеме государственной монополии на регулирование уголовно-правовых отношений и высказать свои соображения относительно того, как лишить государство этих монополий и нужно ли это делать.

Из истории любого народа видно, что изначально вопросы преступления и наказания человечество решало, исходя из сложившихся в течение многих веков обычаев и традиций конкретного рода или племени. Обычное право предполагает народную дипломатию и реальное существование межличностных, межгрупповых социально полезных связей, основывающихся на нравственных и этических началах.

Нормы обычного права предусматривали более жестокие наказания (изгой из племени, убийство и съедение, отдача на растерзание диким зверям, позднее — откуп, взятие виновным на себя моральных и (или) материальных обязательств и т. д.), чем нормы современного публичного права. Вместе с тем они также были призваны восстановить социальную справедливость, устроить наказанием, исправить нарушителя обычая. В этом отношении современное публичное право ничего нового не придумало, поскольку уголовные законодательства многих стран мира закрепляют аналогичные цели наказания. Весь вопрос в содержании целей и в выборе средств их достижения. В тех республиках России, где сильны законы обычного права, страх перед моральным осуждением всегда являлся и до сих пор является большим сдерживающим фактором, чем страх быть осужденным по современному публичному праву, какое бы жестокое наказание оно ни предусматривало. Ведь моральное осуждение затрагивает не только интересы самого виновного, но и его родственников, которым общество вменяет в вину плохое или недостаточно хорошее воспитание, плохой надзор за нерадивым